

УДК 82.091

Н. Н. Ступницька

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Становление и развитие психологизма в литературе

Ступницька Н. М. Становлення і розвиток психологізму в літературі. У статті систематизуються і аналізуються думки дослідників про проблему художнього психологізму. Сучасні тенденції соціального розвитку істотно актуалізують аспекти відбиття зовнішнього світу крізь призму морально-етичних переконань індивіда, що зумовило необхідність в більш глибокому теоретичному підході до вивчення проблеми художнього психологізму в літературних дослідженнях. У тексті статті розглядаються особливості зародження та розвитку психологізму, специфіка втілення переживань людини на сторінках літературних творів різних епох. Відзначено, що на ранніх стадіях літературного процесу психологізму відводилася другорядна роль, оскільки для становлення психологізму необхідний високий рівень соціального розвитку та усвідомлення цінності особистості. Позиції психологізму в літературі посилюються в XVIII столітті в такому літературному перебігу, як сентименталізм. Традиція використання психологізму письменниками-сентименталістами і романтиками була продовжена реалістами.

При зображенні літературного героя, таким чином, для розуміння справжньої підоснови вчинків персонажа необхідна кореляція зовнішнього зображення з описом внутрішнього стану. У статті йдеться про те, що в XIX столітті з'явилися умови, що сприяють розвитку психологізму. Кінець XIX – початок XX століття вважається періодом загальної психологізації літератури. Психологізм продовжує свій розвиток і в літературі XX століття, набуваючи особливу спрямованість в рамках соціалістичного реалізму. Специфіка тієї епохи породила особливий тип літератури, що розвивалася всупереч і на противагу офіційній доктрині і отримала назву дисидентської.

Ключові слова: психологізм, переживання людини, літературний процес, цінність особистості, психологізація літератури, епоха, соціалістичний реалізм.

Ступницькая Н. Н. Становление и развитие психологизма в литературе. В статье систематизируются и анализируются мнения исследователей о проблеме художественного психологизма. В тексте статье рассматриваются особенности зарождения и развития психологизма, специфика воплощения переживаний человека на страницах литературных произведений различных эпох. Отмечено, что на ранних стадиях литературного процесса психологизму отводилась второстепенная роль, поскольку для становления психологизма необходим высокий уровень социального развития и осознание ценности личности. В статье говорится, что в XIX веке появились условия, благоприятствующие развитию психологизма. Конец XIX – начало XX века считается периодом общей психологизации литературы. Психологизм продолжает свое развитие и в литературе XX века, приобретая особую направленность в рамках социалистического реализма.

Ключевые слова: психологизм, переживания человека, литературный процесс, ценность личности, психологизация литературы, эпоха, социалистический реализм.

Stupnitskaya N. N. Formation and development of psychologism in literature. The opinions of researchers about the problem of artistic psychology are systematized and analyzed. Modern tendencies of social development substantially actualize the aspects of reflection of the external world through the prism of moral and ethical beliefs of the individual. It is determined the necessity in deeper theoretical approach to the study of the problem of artistic psychologism in literary studies. The text of the article deals with the peculiarities of the origin and development of psychologism, the specifics of the embodiment of human experiences in the pages of literary works of different epochs. It is noted that in the early stages of the literary process psychologism had a secondary role, since for the formation of psychologism a high level of social development and awareness of the value of the individual is required. The positions of psychologism in literature are intensified in the XVIII century in such a literary trend as sentimentalism. The tradition of the use of psychology by writers of sentimentalists and romantics was continued by realists.

So, in the depiction of a literary hero a correlation of the external image with the description of the internal state to understand the true basis of the actions of the character is necessary. It is shown in the article that there were conditions conducive to the development of psychologism in the 19th century. The end of the 19th – the beginning of the 20th century is considered a period of general psychologisation of literature. Psychologism continues its development in the literature of the 20th century gaining a special orientation within the framework of socialist realism. The specifics of that era gave rise to a special type of literature that developed contrary to the official doctrine and was called dissident literature.

Key words: psychologism, human experience, literary process, personality value, psychologisation of literature, era, socialist realism.

Проблема психологізму в сучасному літературознавстві являється предметом дискусій, породжуючи обилие мнень, і побуджуючи к дальшому розмисленню об этом явленні. Основуючись на мнєнях дослідників, посвячених даній проблемі, можна помітити, що художественний психологізм не в повній мірі визначився як предмет наукового вивчення,

і, як утверджує В. С. Загороднюк, недостатньо вивчені співвідношення форм психологічних характеристик з категоріями естетики, а також вплив психологічного аналізу на художественно-естетичну значимість [5]. І. В. Козлик полагает, що в літературі завжди спостерігалось стремління к вираженню душевної життя людини, його почуттів, переживань, розмислень, емоційних відгуків на зовнішні явленія, при этом демонструючи

определенное мировосприятие, отношение к миру своих творцов как представителей конкретных исторических поколений и исторических эпох [6].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проследить особенности становления и развития психологизма, выявить специфику описания душевного состояния человека на различных этапах общественно-литературного развития.

Современные тенденции социального развития существенно актуализируют аспекты преломления внешнего мира сквозь призму морально-нравственных убеждений индивида, что обусловило необходимость в более глубоком теоретическом подходе к изучению проблемы художественного психологизма в литературных исследованиях.

В словаре С. И. Ожегова психологизм определяется как «углубленное изображение психических, душевных переживаний» [10: 630], применительно к литературоведению, психологизм, с точки зрения А. Б. Есина, представляет собой «особое изображение внутреннего мира человека средствами собственно художественными, глубина и острота проникновения писателя в душевный мир героя, способность подробно описывать различные психологические состояния и процессы (чувства, мысли, желания и т. п.), подмечать нюансы переживаний <...> представляет собой стилевое единство, систему средств и приемов, направленных на полное, глубокое и детальное раскрытие внутреннего мира героев» [3: 65]. В словаре литературоведческих терминов С. П. Белокуровой, понятие психологизма рассматривается как «способ изображения душевной жизни человека в художественном произведении, воссоздание внутренней жизни персонажа, ее динамики, смены душевных состояний, анализ свойств личности героя» [2: 217]. Понятие психологизма в литературе представляет собой способ изображения внутренних переживаний персонажа литературного произведения, глубокое проникновение в психологию героя, описание мыслей, чувств, намерений, чаяний, осознанных и бессознательных желаний.

Актуальность данной темы не вызывает сомнений, поскольку осознание и познание внутреннего мира человека, попытки объяснить и мотивировать поведенческие особенности индивидов в той или иной ситуации приобретают все большую значимость с развитием социально-культурной сферы и накоплением человечеством знаний об окружающем его универсуме.

Так, на ранних стадиях развития литературы психологизму отводилась второстепенная роль: повествование сообщало о внешних проявлениях героев в действии, не делая попыток осмысления

психологических аспектов поведения. «Все, находящееся вне сферы решительных поступков и поворотных событий, – пишет Л. В. Чернец, – для эпоса и драмы как бы не существовало» [14: 190]. Исследуя эпизод из «Иллиады», в котором царь Приам хоронит своего сына Гектора, исследовательница отмечает художественную выразительность в описании горя отца, представляющей собой одну из наиболее впечатляющих попыток глубокого проникновения в переживания персонажа, не является, тем не менее, проявлением психологизма в современном его понимании. Глубина отцовского горя постигается через косвенные источники, проявляющиеся на внешнем, событийном уровне, а именно: решимость Приама отправиться к врагам, чтобы выкупить тело мертвого сына, пышные похороны и рыдания царя. «Не “диалектика” переживаний выявляется здесь. – утверждает Л. В. Чернец. – В гомеровской поэме с максимальной целеустремленностью запечатлевается одно чувство – чувство отцовского горя, предельное в своей силе и ярости» [14: 191]. Подобную тенденцию отмечает в своей работе А. Б. Есин, замечая, что внутренний мир человека не сразу стал полноценным объектом изображения на страницах литературных произведений, представляя собой фиксацию сугубо внешних проявлений внутреннего мира персонажа, выявляя, тем самым, простые переживания, без углубленной рефлексии. Исследователь полагал, что в социальном сознании того времени отсутствовал интерес к личности, к индивидуальным особенностям человека, что и обусловило невозможность возникновения идейно-нравственной проблематики, являющейся основным положением психологизма. Для развития и укоренения психологизма необходим высокий уровень развития общественной культуры, осознание ценности личности, что и создает предпосылки для становления психологизма [4].

При изображении литературного героя, таким образом, для понимания истинной подоплеки поступков персонажа необходима корреляция внешнего изображения с описанием внутреннего состояния, так как герой, по мнению, В. Е. Хализева, «обладает определенной структурой, в которой различимы внутреннее и внешнее» [13: 172]. По мнению исследователя, средневековая традиция описания человека в художественных произведениях, привносит много новых чувств и переживаний во внутренний мир литературных персонажей, так «духовная встревоженность, сердечное сокрушение, покаянные умонастроения, умиление и душевная просветленность, в самых разных «вариациях», запечатлены в «Исповеди» Бл. Августина, «Божественной комедии» А. Данте,

многочисленных житиях» [13: 173]. Тем не менее, средневековые авторы не отобрали всю сложность человеческого сознания, разноречивость, а, порой, и противоречивость внутреннего мира персонажа.

Позиции психологизма в литературе усиливаются в XVIII веке в таком литературном течении, как сентиментализм. Как полагает А. Б. Есин [5], происходит эстетическое совершенствование и возрастает содержательная значимость психологизма. Автор связывает эти процессы с социальными сдвигами в обществе, а также с той огромной ролью, которую приобрела личность в системе сентименталистской и еще более романтической культуры. В центре сентименталистского направления находится интерес к внутренним переживаниям тонко чувствующих героев. Наиболее известными произведениями данного литературного течения являются «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо, «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна, «Страдания юного Вертера» И. В. Гете, «Бедная Лиза» и другие повести Н. М. Карамзина. Л. В. Чернец пишет о том, что на возвышенно трагических, нередко иррациональных переживаниях личности было сосредоточено внимание литературы романтизма (повести Гофмана, поэмы и драмы Байрона) [14: 191].

Традиция использования психологизма писателями-сентименталистами и романтиками была продолжена реалистами. В творчестве М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова внимание уделяется внутренним мотивам поведения героев, духовным исканиям и психологическим конфликтам.

Конец XIX – начало XX века считается периодом общей психологизации литературы. Как отмечает Б. Проскурин, в это время особую остроту приобрел вопрос об описании внутреннего мира личности, что обусловило смещение акцентов с воспроизведения социальной сферы на личностные особенности персонажа и развитие антропоцентризма. По мнению исследователя, в это время появляется новый психологизм в литературе, в основе которого лежит представление о духовной жизни человека как о многоуровневой суперсложной системе, что привело не только к формированию системы художественного психологизма, как поэтического принципа, но и к образованию совершенно новых, коррелирующихся с психологизмом и характерологией и выражающихся посредством их форм социального аналитизма.

И. В. Козлик в своей работе «В поэтическом мире Ф. И. Тютчева» отмечает, что именно в творчестве таких великих романтиков как поздний Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Фет, Толстой, Достоевский, такая исконная черта

как психологичность, превратилась в осознанный эстетический принцип – психологизм. Психологизм моделирует динамику душевной жизни человека, психические состояния в его душе и сознании. Он позволяет «найти способ, канал» для соединения «истинной, чуть ли не непостижимой» действительности внутреннего мира души и «существующей действительности» [6: 28].

В XIX веке появились условия, благоприятствующие развитию психологизма, а именно: существенно повышается ценность личности и при этом возрастает уровень ее идейной и нравственной ответственности, усложняется сам исторически складывающийся тип личности. Наряду с этим развивается и усложняется осмысление человеком окружающего мира: появляется большое количество нравственных, политических, философских теорий и систем, часто сложных и внутренне противоречивых, увеличивается и обогащается духовная культура человека, выявляется рефлексивное сознание личности, что и обусловило развитие психологизма. Психологизм достигает своего апогея в произведениях Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, которые изображают диалектическую сущность внутреннего мира героев. Н. Г. Чернышевский писал, что Л. Н. Толстой во внутреннем мире героя обращал внимание на то, «как одни чувства и мысли развиваются из других; ему интересно наблюдать, как чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и силе сочетаний, представляемых воображением, переходит в другие чувства, снова возвращается к прежней исходной точке и опять и опять странствует...» [15: 422]. В свою очередь, М. М. Бахтин говорил о структурообразующей роли психологизма персонажей у Ф. М. Достоевского: «Скрещиваются их сознания с их мирами, скрещиваются их целостные кругозоры. В точке пересечения их кругозоров лежат кульминационные пункты романа. В этих пунктах и лежат скрепы романного целого» [1: 182–183].

Психологизм продолжает свое развитие и в литературе XX века, приобретая особую направленность в рамках социалистического реализма. Невзирая на своеобразную унификацию и доминирование общественного над личным, в условиях социалистического государства наблюдался идейный интерес к процессам умственного и нравственного становления и развития личности, что и обусловило специфику персонажей, появившихся на страницах произведений М. Горького, Ч. Айтматова, М. Шолохова, К. Симонова и других писателей того периода. Специфика той эпохи породила совершенно особый тип литературы,

развивавшийся вопреки и в противовес официальной доктрине и получившей название диссидентской, одним из ярких представителей которой является А. И. Солженицын и его роман «В круге первом». Проведение текстологических изысканий с целью сопоставления всех существовавших редакций произведения, с нашей точки зрения, дело будущего, однако уже сейчас можно утверждать, что существуют значительные различия между вариантами романа в восьмидесяти семи и в девяносто шести главах.

Говоря о двух версиях романа (К-96 и К-87), Л. Лосев отмечает различие в их психологическом восприятии. «Итак, если говорить о некоем эмоциональном качестве переживаемых катарсисов, то в первом случае катарсис в конечном счете сводится к решению рационально поставленной загадки, что является видом развлеченности. Во втором – катарсис состоит в эмоциональном потрясении глубоко эмоционально вовлеченного читателя, что становится частью личного опыта, возможно, приводит к изменению в самой структуре личности читателя» [7: 36]. С подобной оценкой разных редакций романа не согласна Н. Д. Солженицына, полагавшая, что нравственный выбор Володина в «атомном» варианте значительно труднее. «Благородный поступок героя ради спасения ни в чем не повинного доброго человека вызывает безусловное сочувствие и не идет ни в какое сравнение с действиями персонажа, которые при любом режиме расценивались бы как предательство. «Самые трагические жизненные ситуации, говорила Наташа, когда нет возможности отвернуться от злого и выбрать доброе, а когда выход только... И тут она складывала руки лодочкой, как для ныряния или для молитвы, как будто поступок, подобный володинскому выбору истины и есть голову очертя ныряние вверх» [7: 38].

В литературоведении также выделяют и косвенный психологизм, представляющий собой изображение внутреннего мира персонажа не непосредственно, а через экстралингвистические признаки, такие как: особенности речи, поведения, внешности и мимики героя, интерпретация которых может носить весьма неоднозначный характер.

Сопоставление различных редакций романа А. И. Солженицына «В круге первом» позволяет сделать вывод, что работа Солженицына над образами велась по линии углубления психологизма, свидетельством чего являются изменения в трактовке персонажей. «В редакции 1964 г. романа «В круге первом» Глеб Нержин в своих тайных заметках на «шарашке» писал, что Маркс «видел какие-то экономические пути включения *всего* крестьянства в новую экономическую систему. *Пахан* в 1929г., конечно, не искал этих путей... Зачем мяснику учиться на

терапевта?... В последней редакции все это место опущено» [8: 120]. «В третьем варианте, «вермонтском», но написанном в 1968, меняется также портрет Сологодина – Панина, намечен отход от рыцаря с лицом Христа. Нержин – Солженицын эмансипируется – освобождается от воздействия того, кто, в большей мере, чем Рубин – Копелев, был его наставником в мятеже» [9: 108]. Образ Сологодина существенно снижен, но это лишь подчеркивает героизм Герасимовича. В шестьдесят девятой главе появляются весьма существенные детали: в споре о свободе Рубин говорит: «А ты бы не клячил? У тебя просто нет возможности получить свободу. А то на брюхе бы пополз!» [11: 532] «– Никогда!» – затрясся Сологдин [11: 532]. И далее: «Если раньше Сологдин мог колебаться, то теперь-то с наслаждением влепит он удар этой своре: не давать им шифратора! Не давать! Не катить же и тебе их проклятой колесницы! Ведь потом не докажешь, как они были слабы и бездарны! Нагалдят, нагудят, назвенят, что все – от закономерности, что быть иначе не могло» [11: 533]. В семьдесят девятой главе вставлен важный внутренний монолог Сологодина, представляющийся финальной точкой предыдущего спора героя с Рубиным: «Все пути событий подчинены тебе. Зачем тебе погибать? Для кого? Для безбожного потерянного развращенного народа?» [11: 599]. Не менее интересны появившиеся в романе размышления Яконова, который не сомневался, что «победителем будет Советский Союз. Яконов понял это еще после поездки в Европу в 1927 году. Запад был обречен именно потому, что хорошо жил и не имел воли рисковать жизнью, чтобы эту жизнь отстоять» [11: 594].

В новую редакцию романа вставлен также спор Нержина с Рубиным о социализме и разговор Нержина с Герасимовичем о разумно устроенном обществе. В окончательной редакции романа появляется глава, имеющая название: «Разговор три нуля», в которой Нержин отказывается от предложения Рубина и, тем самым, обрекает себя на отправку в лагерь. В ответ на аналогичное предложение Сологодина, писатель дает мотивировку такого нержинского решения: «Но если вкалывать – то когда же развиваться» [11: 743]. Это добавление весьма существенно, так как подчеркивает, что приоритетным для Солженицына является духовное развитие человека.

Примечательна в плане психологизма и повесть А. И. Солженицына «Раковый корпус», где в эпизоде появления Шулубина в больнице использован прием психологического параллелизма в изображении картины природы и мрачного душевного состояния героя: старик входит в палату пятого марта, в траурный для страны день, связанный с годовщиной смерти Сталина, когда «на

дворе выдался день мутный, с холодным мелким дождиком» [12: 259], или в другом описании: «среди серенького унылого дня, когда все лежали по кроватям и стекла, замытые дождём, так мало пропускали света, что ещё прежде обеда хотелось зажечь электричество, да чтоб скорей вечер наступал, что ли» [12: 263]. Подобные гнетущие картины характеризуют внутреннее подавленное состояние героя и предвосхищают тяжелый разговор героя с Костоглотовым о самом серьезном и насущном вопросе – личной ответственности

каждого за репрессии власти.

Представленный в данной статье материал позволяет сделать вывод о целесообразности и продуктивности анализа художественных произведений в психологическом аспекте, поскольку писатель фиксирует в сознании персонажей личное и коллективное, сознательное и бессознательное, воссоздает страхи, сны, желания, предчувствия, восходящие к коллективному сознанию, формирует у читателя специфическое рефлексующее сознание.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Михаил Михайлович Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов / [сост. С. П. Белокурова]. – СПб. : Паритет, 2007. – 320 с.
3. Есин А. Б. Литературоведение. Культурология : [избранные труды : учеб. пособие] / А. Б. Есин. – 3-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 280 с.
4. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: кн. для учителя/ А. Б. Есин. – М. : Просвещение, 1988. – 176 с.
5. Зогороднюк В. С. Психологізм романів Стельмаха: автореф. дис. ... канд. філол. наук/ В. С. Загороднюк. – Кіровоград, 2001. – 19 с.
6. Козлик И. В. В поэтическом мире Ф. И. Тютчева/ И. В. Козлик/ [отв. ред. член-корреспондент НАН Украины Н. Е. Крутикова]. – Ивано-Франковск: Плай; Коломыя: Вік, 1997. – 156 с.
7. Лосев Л. Поэзия и правда у Солженицына / Л. Лосев // Литературное обозрение. – 1999. – №1. – С. 30–38.
8. Лурье Я. С. Александр Солженицын – эволюция его исторических взглядов / Я. С. Лурье // Звезда. – 1994. – №6. – С. 117–125.
9. Нива Ж. Солженицын / Ж. Нива ; [пер. с фр. Симона Маркиша в сотрудничестве с автором]. – М. : Худож. лит., 1992. – 189, [2] с.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Рос. АН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – [4-е изд., дополн.]. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
11. Солженицын А. И. В круге первом : [роман] / А. И. Солженицын. – М. : Художественная литература, 1990. – 765, [1] с. – (Текст).
12. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений : в 7 т. / А. И. Солженицын. – М. : ИНКОМ НВ, 1991. – Т. 4 : Раковый корпус. – 1991. – 416 с.
13. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 1999. – 398 с.
14. Чернец Л. В. Введение в литературоведение : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Скалнек и др. ; под ред. Л. В. Чернец. – [5-е изд.]. – М. : Академия, 2012. – 720 с.
15. Чернышевский Н. Г. Детство и отрочество. Сочинения графа Л. Н. Толстого // Н. Г. Чернышевский // Полное собрание сочинений : в 15 т. – М. : Гослитиздат, 1947. – Т. 3. – С. 421–431.

References

1. Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / Mihail Mihajlovich Bahtin. – M. : Iskusstvo, 1979. – 424 s.
2. Belokurova S. P. Slovar literaturovedcheskih terminov / [sost. S. P. Belokurova]. – SPb. : Paritet, 2007. – 320 s.
3. Esin A. B. Literaturovedenie. Kulturologiya : [izbrannye trudy : ucheb. posobie] / A.B. Esin. – 3-e izd., stereotip. – M. : FLINTA : Nauka, 2011. – 280 s.
4. Esin A. B. Psihologizm russkoj klassicheskoj literatury: kn. dlja uchitelja/ A.B. Esin. – M. : Prosveshhenie, 1988. – 176 s.
5. Zogorodnjuk V. S. Psihologizm romaniv Stel'maha: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk/ V.S. Zagorodnjuk. – Kirovograd, 2001. – 19 s.
6. Kozlik I. V. V poeticheskom mire F. I. Tjutcheva/ I.V. Kozlik/ [otv. ped. chlen-korespondent NAN Ukrainy N. E. Krutikova]. – Ivano-Frankovsk: Plaj; Kolomyja: Vik, 1997. – 156 s.
7. Losev L. Pozejija i pravda u Solzhenicyna / L. Losev // Literaturnoe obozrenie. – 1999. – №1. – S. 30–38.
8. Lur'e Ja. S. Aleksandr Solzhenicyn – jevoljucija ego istoricheskikh vzgljadov/ Ja. S. Lur'e // Zvezda. – 1994. – №6. – S. 117–125.
9. Niva Zh. Solzhenicyn / Zh. Niva ; [per. s fr. Simona Markisha v sotrudnichestve s avtorom]. – M. : Hudozh. lit., 1992. – 189, [2] s.
10. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka : 80 000 slov frazeologicheskikh vyrazhenij / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova // Ros. AN, In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova. – [4-e izd., dopoln.]. – M. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 s.
11. Solzhenicyn A. I. V krugu pervom : [roman] / A. I. Solzhenicyn. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1990. – 765, [1] s. – (Tekst).

12. Solzhenicyn A. I. Maloe sobranie sochinenij : v 7 t. / A.I. Solzhenicyn. – M. : INKOM NV, 1991. –Т. 4 : Rakovyj korpus. – 1991. – 416 s.
13. Halizev V. E. Teorija literatury / V. E. Halizev. – M. : Vysshaja shkola, 1999. – 398 s.
14. Chernec L. V. Vvedenie v literaturovedenie : uchebnik dlja stud. uchrezhdenij vyssh. prof. obrazovanija / L. V. Chernec, V. E. Halizev, A. Ja. Skalnek i dr. ; pod red. L. V. Chernec. – [5-e izd.]. – M. : Akademija, 2012. – 720 s.
15. Chernyshevskij N. G. Detstvo i otrochestvo. Sochinenija grafa L. N. Tolstogo // N. G. Chernyshevskij // Polnoe sobranie sochinenij : v 15 t. – M. : Goslitizdat, 1947. – T. 3. – S. 421–431.